

И. Год. - нет

Интервью с В.М.Козовым

22.09.1992 Москва

← Всё равно я хочу, что бы Вы рассказали на диктофон.

Козовой: Я так не могу.

- А что такого? - Никто на Вас не смотрит, это же не камера!)

Козовой - Это был 1955 год, 1956. У меня был приятель польский. Вообще должен Вам сказать, что у меня было много друзей, чех один очень близкий, венгры, с которыми я потом обсуждал венгерские события, поляк. И естественно, я следил за всем очень внимательно. А за всем - это за процессом, который называли тогда десталинизацией. Это было начало краха, конечно, коммунизма. И это довольно быстро выяснилось в Венгрии и в Польше и в Польше особенно в 1956 году. Уже и с 1955 года, когда, по-моему, начали выходить газеты, "Год прокур", Так что к тому времени, "Год прокур" также читал и "Истандар маджх". Я польский немножко знаю. Я понимаю на слух и я могу переводить просто, быть синхронным переводчиком, но говорить - нет. Не было практики.

- Вы его специально учили?

Козовой - Я его изучил, читая газеты в 1956 году. И читая затем в лагере. Мне посыпали регулярно "Пшекруй", журнал "Фильм", это я о кино читал. Также читал я... Читал некоторые литературные журналы "Жиче лютеранске". Впоследствии я дружил с человеком, который не очень отважным был, Юра Клесовский, это было уже гораздо позже, это мы на литературной почве. Он был редактор журнала... как его название, "Культура"? нет, очень почтенный толстый журнал литературный. Который много очень переводов писал. В основном, переводы, но не только. Боже, ну я Вам потом скажу, у меня их были горы, этого журнала. Это конец шестидесятых, семидесятые годы. Этот Драк приглашал меня в Польшу, куда

я не попал также, как и в другие края, по Вам понятым причинам, хотя у меня уже имя было литературное, и ~~и~~ переводил ^{чего.} Он был лучшим знатоком французской литературы, свободно в обе стороны переводил. Его журнал даже и сейчас очень ценится. Но до этого я польский язык осваивал стихийно, читая эти газеты и журналы.

- Почему Вы их читали?

Козовой: Почему я их читал? - Я следил за политическими событиями, которые меня глубоко волновали, потому что ~~в~~ эту пору я уже был отпетый антикоммунист, назовём это так. С другой стороны потому что для меня это было какое-то окно на Запад, культурное. Уже в лагере через журнал "Фильм", я узнавал, что происходит в кино. Но через журнал, названия которого я никак не могу найти, но я найду, я читал, просто с трудом разбирал тогда, признаюсь, словарь у меня был польско-русский, я разбирал произведения Западных писателей, которых не было ни в переводе, ни в оригинале. Это две принципиальные. Но кроме того, я так Вам говорил, уже там связи были какие-то политические. Одно время Краснопевцев хотел, чтобы я там какие-то кружки создавал международные-подпольные.

- Почему именно Вы?

Козовой: Вы знаете, это очень сложно, это просто история всей группы. Потому что я был единственный студент в этой группе. И вообще Марат Чешков появился под конец, довольно поздно, скажем. Была другая группа сначала. И просто всё там обсуждалось. И вот я вообще среди арестованных впоследствии людей по этому делу, а также и вообще, среди тех, кто участвовал до этого, а впоследствии отошёл, я был единственный студент и был довольно-таки такой, остервенелый. Как-то так, я не понимаю, почему так было,

я считал, раз так, значит, надо и делом заняться. Это было ещё тотчас после двадцатого съезда. Так называемого. Я не могу сказать, что я тотчас пришёл к враждебности к ленинизму, но тем не менее, весной 1956 уже полностью понимал. Тогда это можно было, я даже на семинарах какик-то Ленин пытался опровергать. И тогда это сходило с рук. Это была страшная растерянность, сразу после ХХ съезда, и меня познакомил уже мой приятель, он был студент-старшекурсник Беделюбский Феликс, познакомил с Краснопевцевым. И всё началось тогда довольно быстро.

- А каким был тогда Краснопевцев?

Козовой: Вы знаете, я с ним дружил. Ужасно, что так произошло всё в лагере, это мне отравило прошлое, совершенно отравило прошлое. Я в отличие от всех этих людей, от многих, скажем... Вы видели, может быть, мои книжки. У меня и после этого биография более, чем богатая. Слишком много было всего, испытаний всяких. Писал я и поэзии, литературу, философию. Поэтому я совершенно не занималась этими, как Вам сказать, воспоминаниями, не культивирую этого. Мне это не нужно. Как некоторые, ~~могут~~ ^{не буду читировать} культивировать, даже люди порядочные.

- Но всё-таки.

Козовой: Я живу сегодняшним днём.

- Это я понимаю, но несколько слов хотя бы.

Козовой: Несколько слов - о чём?

- О Краснопевцеве.

Козовой! О Краснопевцеве скажу. Краснопевцев был, как Вы знаете, большим комсомольским боссом. То есть, сначала он был секретарь комсомола истфака. Несомненно, он мог бы сделать карьеру на этой почве, стать секретарём комсомольской организации университета,

далше в ЦК, дальше туда-сюда, был бы членом Политбюро. Но он пошёл по другой дороге. Они дружил с Рейнделем многие годы, не сколько лет в ту пору. Они там потихоньку всё обсуждали, тут прогремел ХХ съезд, они появился такой молодой, горячий. И вот, они включились в подпольшину мало-помалу. Сначала это были просто кружки. Краснопевцев... как Вам сказать - я с ним дружил в ту пору. Я дружил и к нему относился как... я уже не помню - старшему товарищу. Я не помню, у меня столько наложилось потом отношение к лагерю, настолько всё это было мерзко, точно, настолько... Я ведь в лагере дружил очень, не с группой, те, кто были в группе петербургской, мой лучший был в лагере друг, спившийся впоследствии, Алик Голиков, Вы знаете, он умер. Очень я его любил, Пустынцев, которого Вы наверное, видали. Это всё были мои друзья. Ещё был такой Тельников, но тоже у каждого эволюция своя. Но в ту пору я с ними дружил, в то время как эти господа, а именно Краснопевцев и компания, и особенно Меньшиков, мерзейший субъект, они просто начали... Во-первых, мы были в одном лагере с Меньшиковым, Краснопевцев был в другом, Краснопевцев и все остальные, мы были только вдвоём с Меньшиковым. С Меньшиковым, и тут истати, вспоминал,ссора началась уже, плохие отношения на бытовой почве, потому что он был чудовищно жаден. Прятал сигареты там, ой, мерзко себя вёл, так, чтобы никому не дать, закурить. Но потом нас всех свезли вместе и к этому времени я уже знал, что они занимались просто тем, чем занимался Верховенский в "Бесах".^{Вот так, где они были} Уже кого-то объявляли провокатором. Меня они объявили один раз провокатором, то есть, они сказали "предатель", потому что кто-то им донёс, что я освободился из лагеря, потом кто-то видел в

этой газетёнке "За отличный труд", а там был мой однокомандер, хохол, который был завкаптёрки, вот он освободился. Вот такие сплетни - и вот пожалуйста, сразу выводы. А потом они узили, что нет и сразу выступили, что вот нет, он самый молодой, самый отважный и самый герой. Потом они Тельникову объявили провокатором, но это Вы читали даже у Вени в его сочинении - не гениальном, но тем не менее, достаточно точном. В основном. Поэтому, о Краснопевцеве рассказать - там было столько всяких непринятий. Пока они не оказались все просто-напросто с красными повязками, и Краснопевцев во главе. Настолько я от них ушёл, настолько потом мне было чуждо это политикачество и скучно, настолько я жил совсем другим и дружил с другими людьми и с поэтами великими просто, там, во Франции. И здесь с другими людьми. Настолько мне неинтересно, что я уже не помню. Помню, что мы с ним дружили, я к нему относился как к старшему товарищу, очень хорошо. Он меня ценил, несомненно. Там никакого не было старшиства, это не была "группа Краснопевцева", как теперь говорят. Хотя, конечно, он был наиболее такой, одержимый, активный, но тем не менее, могу сказать, что активизация, переход к открытой подпольщине, которая произошла сразу после венгерских событий, восстания, отчасти обязал мне, потому что я, меня оперировали, я в Харькове был, у родителей, и я слушал это каждый день только по радио. Я весь трепетал. У меня было только одно желание - схватить автомат и броситься в Будапешт. И Краснопевцеву я тогда написал письмо, которое они разыскали. И потом я хорошо помню - мы стоим с ним где-то в метро и обсуждаем переход к настоящей подпольной организации. Вместо кружков таких чисто теоретических.

если это то.

Кстати, тогда кто-то отошёл ~~Беловский~~, например, И слава богу, — не арестовали их потом, слава богу для них! К Краснопевцеву у меня не было нужды плохо относиться, мало того, там сложно действительно со следствием было, я сейчас не хочу в это даже вдаваться. Я вёл себя как дурак просто, ~~как~~ Вам сказать? Меня арестовали — мне было девятнадцать всего, мне ещё двадцати не исполнилось, через две недели исполнилось. Передо мной — волки НКВД. Я их так и называю — НКВД и всё. И естественно, они меня целый день допрашивали, а туда заносят три строчки. Они мне наговаривают чёрт знает, сколько фактов изо дня в день, и заносят три строчки. Я им грому: "Уходите с работы, вам, что в Венгрии было", этого ничего нет, мне плевать, ладно. Это первая история. У меня всегда было отношение такое, что ~~никогда~~ не надо ничего друзьям доказывать. Что или есть доверие, или его нет. Краснопевцев же, сидя под допросами, наговорил столько на меня! Об этом Обушников, наверное, мог говорить. Но Обушников сейчас старается всё так красиво представить, потому что в противоположность мне, ему хочется создать такую благостную картинку. Революционного прошлого. Мне этого не нужно совершенно. У меня другая жизнь есть — зачем? Надо видеть вещи, как они есть и я думаю, что Чешков мог Вам рассказать примерно так, как я. Хотя и к Обушникову я хорошо отношусь. Он в лагере вёл себя хорошо. Мало того, они тоже разные были. Дело в том, что до Краснопевцева, мне кажется, ещё до Краснопевцева я знал его, или вместе, одновременно, познакомился я с Николаем Покровским, который ~~не~~ академик. С Колей мы очень дружили. И он, конечно, к нам примкнул тоже в лагере, и повязочку носил, но по слабости и у

у меня к нему никаких злых чувств. А эти столько натворили делов, что просто неописуему, сколько. Есть такой депутат от Петербурга в Верховном Совете по фамилии Молостцов, я вот с Мишой только что говорил, я Мишу очень люблю и Мишу этого Мемышкина отправил просто на штрафной. По его доносу. Ну, что можно про них — мне про них вспоминать тошно.

— Ну ладно, тогда Бог с ними, давайте говорить про Польшу.

Действительно ли можно говорить о демократических традициях в отношении к Польше, в польском вопросе или Вы считаете, что единомышленников революционеров не было? (Примеч. Красно-Козовой: Я думаю, что они оба Вам ответили по истине, так как

заять. Как было. Для Краснопевцева думай, что несомненно, эти традиции были важны. Несомненно. Потому что Краснопевцев пытался осмыслить историю, он, как Вы знаете, написал реферат, как это называли тогда, написал работу, в которой странным образом сочетался подход с точки зрения я бы сказал, Кадетов, к истории России, и имею в виду и одновременно чуть ли не большевиков.

Вплоть до большевиков. Потому что онставил такой вопрос: надо ли большевикам было брать власть? Я помню, как это нами обсуждалось всеми и я, ещё в сущности юнец совершил, говорил ему: "Естественно, им надо было брать власть, другим не надо было, чтобы они брали власть".

— Для него это был вопрос?

Козовой: Для него был вопрос. То есть, он ещё изнутриставил вопрос, хотя критиковал их и Ленина с точки зрения не то меньшевизма, или, скорее, даже вплоть до кадетов. Такова была постановка вопроса у Краснопевцева. Тем не менее, мне помнится, что это было небезинтересно. Его работа первая, это было что-то: "Из истории революционного движения 1860—1905" и вторая "1905—1917" и потом мы искали эту рукопись у нашего, он её спрятал,

у нашего будущего друга Виталия Рубина, он уехал в Израиль и там погиб в автомобильной катастрофе, он был в Хельсинской группе и так далее. Но это уже будущее. Так что для Красионевцева то, что называется "уроками истории", если такие могут быть, было существенно. Для Марата Чешкова, думаю, нет. —

— А для Вас?

Козовой: Для меня несомненно. Несомненно. Конечно, я ... Как Вам сказать, отношение к Польше, это было для меня отношение, во-первых, не просто к Польше, это было отношение не специально к Польше поначалу, это было отношение к большевизму. Для меня то, что происходило, был действительно большевизм, который выступал в форме сталинизма. Для меня это было отношение сочувствия к процессам смены этого режима. Естественно, чем это революцией было, тем казалось лучше. Тем не менее, и в те годы, хотя я там, как Вам говорил весьма... к Ленину относился и я об этом говорил на курсе. Потом я уже замолк. Но было такое бурное время, когда можно было говорить. Какой-то месяц такой был совершенно непонятный. И в то время для меня, при всём моём отношении к Ленину и большевизму, тем не менее, судьба расстрелянных и замученных коммунистов польских была небезразлична. Поэтому я помню, что я очень интересовался историей, просто с совсем юных лет, — большевизма. Я знал все имена, кто там был расстрелян, кто, где, когда, куда делся. И то же самое в отношении социал-демократов, уже не большевиков, хотя не был я социал-демократом. Конечно, в моей голове была какая-то каша, я думаю. Но не долго. И я помню, как я читал в газете „Истандард мордах“ я читал статью о польских коммунистах, расстрелянных в Москве, и одновременно там была стенограмма заседаний Коминтерна. Так мне и врезалось с тех пор. Я потом читал уже эти материалы, ког-

да Зиновьев сказал, *(на пог., костяшкой)* сказал "Мы вам кости переломаем" Это было уже в 1924 году. Ну, и переломали. Его расстреляли самого. Поэтому я очень внимательно следил за этим процессом реабилитаций, воскрешений истории. Неважно, каково отношение твоё к тем или иным персонажам. Это история совершенно забытая, зачёркнутая, она воскрешалась и выплывала. Я видел, *у меня* это очень волновало, процесс идеологического, идейного, как тогда казалось, возрождения в Польше и читал статьи характера теоретического, не только чисто политические, а уже и такие историко-философские, которые стали появляться - с огромным интересом. Через Польшу, я могу сказать, через польскую прессу, я каким-то образом соприкоснулся впервые со многими течениями просто и социологической мысли, и философской мысли. Это было тогда, в 1956 году. Естественно, мало-помалу, отношение к Польше и польский вопрос, *в особую* рамках русской истории, это несомненно для меня тоже было очень важно, я много об этом думал, но не специально о польском вопросе, но тем не менее, о польском, в частности, и особенно, и уже потом, в лагере я читал работы и Цешковском и о польском мессионизме, сравнивал их с мессионизмом русским. Естественно, я об этом задумывался. Но что касается отношения к полякам, *как* отношения к Польше, польской проблеме, к вековому спору с русскими, я всегда с тех пор и до сих пор мне был отвратителен шовинизм, хотя мне точно также был скучен национализм. Поэтому когда речь шла о польском национальном движении, я вспоминаю и теперь *уверяю* слова Толстого: "зацищаю я конечно поляков, я за поляков. Но тем не менее, как это скучно!" Вот, всякий национализм безумно скучен. Что я могу Вам сказать?

- А Вы искали специально каких-то контактов с поляками?

Козовой: Не думаю. У меня были приятельские отношения. Забыл его фамилию. *Каулик...*

- С Ворошильским Вы не были знакомы?

Козовой: С Ворошильским мы не были знакомы. Он был в литеинституте, и с ним дружил... В литеинституте училась моя жена. Правда, она позже поступила, через два года в литеинститут. И с ним дружил вот я говорю *Тема Абиги*, в те годы. Но я читал в те годы, тогда и в лагере я читал "Культуру", "Новокультура" была, где Ворошильский был редактором, так что он заочно мне помог также. Но что касается связей с Польшей уже других, Вы про это *наверное, кое-что слыхали, знаете всю эту историю.* *с Польшей*,

- Но это интересно.

Козовой: Теперь что касается Польши, ну я не могу сказать, что я специально. У меня были впоследствии друзья. Например, я встречался с удовольствием с милейшим человеком, очень замечательным, не знаю, насколько он поэт замечательный, а человек прекрасный, он сейчас возглавляет пан-клуб, возглавлял, во всяком случае. Он вице-президент международного стола. Это *Мехмед-Хаджицкий*, это очень хороший человек, умница и просто обаятельный человек. Его жена, Юля Хартвиг, которая писала книги об Аполлинере, наполовину казачка. Я не могу свою жизнь последующую отделить от предыдущей, я понимаю, это Вам...

- Это тоже важно и интересно, не только 56-й год интересен.

Козовой: Потом были, естественно, вот эти связи, которые в основном, этим занимался, а) Краснопевцов, *то просу*, и, отчасти, Меньшиков. У Меньшикова это произошло просто, как бы сказать, случайно. Его бывшая любовница стала женой такого Скальского, который сейчас *кстати, известный в Польше был человек.*

Ещё недавно.

- А имени его Вы не помните?

Козовой: Сейчас скажу. ^{№ 24} А неужели Вам Менбников ничего не говорил, ему неприятно (Перерыв в записи). Не помню, у меня уже путается и французский. Одним словом, там сложная история со Скальским. Дело в том, что мать Скальского занимала высокое место в коммунистическом аппарате польском. И когда Краснопевцев связался с По прослу, он ездил туда во главе делегации, он Вам говорил, да? Это был, по-моему, май 1957 года. Делегации — кстати, видите, характеризует его место даже! Приехал оттуда, да и мне, помню, подарил книжку. Я у него забрал книжку статей из По прослу. Она вышла за два года. 1955-56. Она начала выходить летом 1955-го. Потом была история с этой газетой, которую КГБ искало у моих родителей в Харькове, три раза обыскивали, ничего не нашли. А потом обнаружена она на в клодете была в забедении. И Скальский тогда выполнял роль связного, ещё один, довольно долго это длилось. Как выяснилось, Менбников, когда я сидел чёртобол. Но то, что приходил в КГБ, это выяснилось. Но кроме того, жену Скальского допрашивали, и если я не ошибаюсь, она провела ночь или две в камере. Напугана была и Скальский, были напуганы страшно. Сейчас я Вам скажу, нет, ненавижу сплетни. Это ведь куда-то пойдёт, дойдёт туда. (Перерыв в зап).

Которая работала на

- По-моему, на

Козовой: Разве? Может быть, может быть. Дело в том, что я её встретил в 1981 году во Франции. Я был у своего приятеля, известного слависта Жоржа Нива в Швейцарии и он сказал: "Тут будет одна женщина, она тебя знает". А он знает польский и у него много польских друзей. Хорошо по-польски даже говорит,

относительно. И вдруг встречаю её и мы стали воскрешать кое-какие факты и конечно, она мне кое-что рассказала по поводу этого персонажа.

- Скальского? - Понятно. Но он же возглавлял землячество студенческое. Действительно он был активным?

Козовой: Нет, я его помню, такой краснощёкий, запомнилась его рожица. Но я никак с ним не сталкивался. И не помню, был я с ним знаком, или нет. И если был, то совершенно поверхностно.

- С Лясотой познакомился Скальский?

Козовой: Нет, с Лясотой познакомился Краснопевцев. Но какую роль в этом играл Скальский, я не знаю. Это было во время пеездки Краснопевцева в Польшу. Кроме того, это была с продолжением история, потому что во время этого фестиваля молодёжи Краснопевцев, к которому я пришёл. Это малоинтересно, но я скажу. Сначала я уехал на каникулы к родителям, которые жили в Харькове, а затем вернулся на этот фестиваль, приехал. Жить мне было негде, я жил у каких-то родственников, где-то у них был домик, где сейчас гостиница "Золотой колос". Тогда всего этого не было, этих домов. И я был у Краснопевцева. А, вот, как это было. Потом это сослужило дурную службу. Дело в том, что я к нему приехал, не застал его, у него что-то телефона не было, я уже забыл, он жил довольно бедно, просто какой-то домик был маленький и там какая-то часть этого домика. Вот я туда приехал, но поскольку с Лёвой мы были большие друзья; его не было, а помню, записка была: "Завтра встречаемся с лидерами польского Союза студентов". Я эту записку положил в карман. Впоследствии, когда меня арестовали, а я знал, что они меня ищут, и два дня скрывался, я из своей записной книжки очень

многое вырвал, но тоже не всё, тоже не очень большой конспи-
И эту бумажку в числе прочих забыл, она у меня в кармане была
ратор. Но что касается них, то мы встречались вместе, по-моему,
в парке Горького, я не помню. Надо сказать, что я могу дело
почитать, но у меня нет никакого желания, мне неинтересно. Ес-
ли бы у меня была уйма времени, я бы приехал сюда на шесть ме-
сяцев и делать нечего, я ~~бы~~ позвонил, пришёл посмотреть дело.
Единственно что, я хочу там спереть фотографию свою, ради это-
го только. Но там я бы вспомнил, потому что там всё это есть.
А так, насколько помню, это было, по-моему, в парке. Помню,
что мы сидим на скамейке, и помню их испуганную реакцию. Как-то
мы такие радикальные, а они гомульковцы, которые там добились
чего-то. В 1957 году, представьте, по сравнению с 1955 годом.
Конечно, либеральные идеи в идеологии, крестьяне — никто уже
их в колхозы не будет пытаться загонять. И так далее. И они,
так сказать, были довольны тем, что получили и тем более, ~~ни-~~
^{не хотели} какой подпольщины. Но по-моему, Краснопевцов и я, мы ещё об
этом не говорили. А произошло это, когда я сидел. Все были боль-
шие подпольщики. Они могли знать, что я сидел. Потому что я
уже прятался, ночевал одну ночь у Ренделя, мы с ним договори-
лись, что если я не являюсь перед отъездом, то меня забрали, и
за ~~мной~~ был хвост. А они совершенно плевали на это, не об-
ращали внимания и продолжали свои делишки. А мне начали это
всё вываливать. Потому что они подслушивали то, другое, потом
записку эту нашли. Но это не важно, это техника. А что каса-
ется, поляков, то да, во время второй встречи, он, кажется,
начал уже что-то говорить о подпольной связи. Подальше от греха.
Это что касается фактической стороны дела.

— А они вызывали симпатию, поляки, у Вас?

Козовой: Честно говоря, эти поляки, я их видел двадцать минут.

- Не эти конкретные, а вообще.

Козовой: Поляки, как таковые? Станный вопрос, я у Вас то же могу спросить в ответ.

- У меня вызывают.

Козовой: Именно поляки как поляки? Вам что, нравится язык?

- Нравится язык. Наверное. Нравятся определённые люди.

Козовой: Ну, определённые люди естественно. //Они разные.

Нет, конечно мне не нравится отношение к полякам Достоевского. Нет, не нравится, категорически не нравится. Вместе с тем, я даже там усматриваю ^{Kar-IND} такое, я терпеть не могу тупой, стгаживющий так называемый интернационализм ... Другое дело, что национализм и шовинизм я терпеть не могу. Тем не менее, люди разные. Раз Вы говорите "нравились ли Вам поляки" - одни нравились, другие нет.

- Я хотела спросить - выделялись они в общей массе, или нет?

Козовой: Нет, я тогда, честно Вам скажу, поляков как таковых видел больше через газеты. Мне нравилось, что они организуются как-то и что они не приемлют коммунизм. Мне нравилось, что рабочие выходят на улицы, это было летом. Мне нравилось это, да. Мне нравилось, что огромная толпа высыпала в октябре месяце.

Мне нравилось их сочувствие венграм и мне нравилось их умение организоваться. Это да. Нравилось мне это. Тем не менее, я был достаточно щенок, чтобы понимать ^{270-70 б} национальный характер ~~их~~, а тем более, глубоко знать. Надо сказать, что я быстро развивался и тем более, в лагере, в тюрьме. И не могу сказать, что я поляков как-то выделял среди других. Я видел, конечно, их качества торговые, которые, конечно, незаурядные. Надо сказать.

- Уже тогда?

Козовой: Моему приятелю я по его просьбе то какие-то часы сдавал в комиссионный. Он не мог, я мог. Я уже позднее понял, что у поляков эта жилка коммерсантская, прямо скажем, спекулянтская, которая развилась у них вероятно за много лет под ~~несколько~~ ^{разных} немецкой оккупацией, потом большевистской. Но это развилось ~~и~~. В этом смысле они, по-моему, непобедимы. Но вместе с тем, есть и польская культура. И конечно, это всё настолько разное. Есть кое- какие черты, отмеченные Достоевским, конечно, есть. При этом я сам люблю польский язык, мне нравится что-то в польском характере, не могу до сих пор определить, что.

- Почему не можете?

Козовой: И это так лучше, это нравится ~~почему-то~~ у женщин, какое-то неуловимое очарование. ^{Сразу же того} Конечно, с поляками, я чувствовал больше, чем с другими, чем с ~~Бенграли~~ даже, чувствовал общность опыта человеческого. Не просто историко-политического, а даже человеческого, как переживается история. Я не хочу говорить большевизм. История последних пятидесяти лет... Конечно, на меня влияли польские фильмы Вайды первые, потом я его терпеть не мог... Я не люблю Вайду.

- Какие фильмы влияли, какие нет?

Козовой" Сколько я видел, первые вот ^{теперь} это отличный фильм, как мне ~~помнится~~, а вот чем дальше... Это жалкий сноб. Я люблю очень ^{такое} сложное искусство, трудное и всё такое. У него не хватает природного таланта. А вот эти его какие-то там "каменные статуи", ~~Это я шутливо говорю, но~~..ну, неинтересно. (Н.В з.)

Я строгий судья. Да нет, надо сказать, это у поляков бывает. Это я не могу сказать, что относится именно к Вайде. Это им хочется быть – не отставать от Европы. Они тоже Европа, они там впереди. Это есть качество. При этом есть отличные художники, отличные писатели. Всё это есть, Конечно. Нация утончённая, культура утончённая. Это верно. Но часто не хватает какои-то природной силы, которая может быть, у Виткевича есть. Я не люблю Гамбровича, например, ~~раздроблен~~ ^{У него касается} тоже snobi, не snobi... Про меня тоже можно сказать, что я snob. ~~А~~ ^С Вайды они какие-то вымученные, совершенно не натуральные. Какой-то кусочек хороший попадётся, а остальное... Но дело не в Вайде, конечно.

– А "Пепел и алмаз"?

Козовой": "Пепел и алмаз" на меня повлиял как-то. Вот тот трагизм этой эпохи. Всей. И не просто периода сталинского послевоенного а и войны, и всего. Это целая ведь эпоха. Это и в лагере, уже тогда я понял, что это кончался мир какой-то. Он кончался не только на Востоке, ~~но~~ он кончался и на Западе. В это время ~~принесло~~ ^С ~~так~~ ^{эпоху} кончилась та цивилизация, с которой я внутренне связан и как многие другие – не многие, может быть, уже, ~~но~~ та цивилизация, которую некоторые люди, вот здесь, в России, например, представляют себе до сих пор существующей, ~~но~~ её нет и на Западе. Это всё кончилось году к 1956-му. Я об этом когда-нибудь напишу, я уже немножко написал. ^{но еще напишу.} Это очень остро и именно трагически представлено у поляков. Даже в кино. А кино не бог весть, какое искусство. Оно было искусством, более или менее, а сейчас вообще это не искусство. Но у поляков это было, это было в фильмах, которые я видел уже в лагере. ^{очень} Это было в "Канале". "Канал" – ~~всё~~ вообще трагический фильм. Вот два фильма Вайлы – "Пепел и алмаз" и "Канал", это прекрасные

даже скорее, "Канал", чем "Пепел и алмаз". Вплоть до такого фильма, я помню, смотрел его в лагере, он очень мне понравился, а казалось бы, фильм второго-третьего ряда, "Покушение", это Ежи Пасендорф, по-моему. Очень хороший фильм, он сделан почти в документальной манере, так здорово! Очень строгий фильм, умели они делать. Кино отличное у них. 1955-6-7 годов. Увалерович уже меньше, но и Увалевовича тоже кое-что было. И всех актёров я их знал. Через их журналы, как я Вам сказал уже, я сталкивался с западной культурой, я прочёл Фолкнера, он переведён ли по-русски этот роман, самый странный его роман, который называется... Я потом скажу. Я его прочёл по-польски. Это было немислимо и не могло быть издано здесь. До сих пор помню впечатление, хотя Фолкнера не так уж я и люблю, но этот очень сильный был. Так что, конечно, для меня Польша была мостом в Европу и в Европейскую культуру в каком-то смысле. Хотя я читал тогда и тем более, дальше уже непосредственно книги философские, исторические, романы, поэзию на их языках. По-французски больше всего, хотя сначала по-английски. И я этого не забуду им, в хорошем смысле. Я им многим обязан. Хотя что касается вопроса, как Вам сказать, всей польской темы в русской литературе, в русском мифе вообще и в русской истории, то конечно я стал к этому относиться так с годами...

Кассета № 2

Козовой: В Париже это так бывает: страна — это, прежде всего, люди, ~~страна без сладостей~~

Во Франции тоже так бывает. Но бывает ещё и иначе: Это природа, это здания, это ~~дома~~. А Париж, конечно, это страна с людьми. Но это не общение, это пребывание в какой-то мере. ~~Был бы~~, ~~был бы~~

ты удёшь + сам по себе. Как раз от общения с французами не полюбились Мне нравилось которого не видят глаза с ними... и знал таких людей, хружила с ними... Писатели... Нет, французов, конечно же, не полюбились.

Конечно, поляки нам гораздо ближе. И всё-таки, славянская душа, это есть. Хотя я не верю в славянскую общность. Ну, например, чехи. Ну есть у нас друг, известный профессор французский, наполовину чех. Очень известный славист, Мишель Кутюри. В нём чувствуется, действительно, мягкость такая. Что-то есть славянское, несомненно. Но всё-таки, чехи, они конечно, ближе к немцам. Отсюда вот они расходятся со словаками, вернее, словаки с ними. Конечно, там экономические причины и политические какие-то, но кроме того, действительно, словацкая ближе к Восточной Европе. И к Восточным славянам. А чехи, конечно, ближе к Европе другой. К романской, то есть, германской, или, как говорил Трубецкой, романо-германской. Ну, что делать. Поляки тожеглядят, конечно, на Францию.

— Не знаю, почему, я испытываю чувство не просто общности какой-то, а родства...

Козовой: Вполне возможно.

С поляками у нас общность какая-то, конечно, исторической судьбы. Несомненно. У нас нет такой общности с чехами, хотя чехи спасли русскую эмиграцию, помогали невероятно. И я никогда не забуду — я читал какие-то сочинения школьников

русских в Чехии из семей эмигрантских. В 20-е гг. в какой-то школе задали ученики от самых младших до старших классов писали сочинение на свободную тему. И какой-то мальчик совсем маленький писал о том, как их спасли чехи и там была такая фраза: "Я никогда не знал, что есть такой народ — чехи". Я это запомнил, и конечно, им спасибо. И конечно, в Чехии было очень сильное прорусское течение. Было и в культуре, несомненно. Тем не менее, чехи очень сильно окрашены и немецкой культурой. Прага — город полунемецкий. Культура в целом чешская окрашена немецкой. И в пан-славизм и в единство славян я не верю.

Но с поляками у нас просто, скажем, историческая судьба во многом едина, нас объединяет. Пережили мы общие беды и даже разделённые и враждующие,.. там Мицкевич, который с ужасом слушал русских, — которых он любил; — в Петербурге. Тем не менее, не был чужд России. Что касается сербов каких-нибудь, скажем, да, у них симпатия к русским большая есть. Они настоящие славяне, хотя и ужасают меня нынешними своими действиями. Злодейскими. Но тем не менее, вот такой обности исторической судьбы, как у поляков, ни у каких славян с Россией не было. Это без сомнения. И потом надо не забывать, что поляки на протяжении последних двухсот лет, или, скажем, ста восьмидесяти, служили паровозом, локомотивом для изменений в самой России.
— Можно об этом говорить?

Козовой: Конечно, можно. Несомненно. И как бы не относились поляки к русским, я не могу сказать, что поляки очень любят русских, как бы не относились русские к полякам. В данном случае я должен сказать, что сейчас, наверное, нет того отношения и даже в малой степени, какое было раньше, полуувраждебное и вообще, отношение чуждости какой-то. Сейчас этого нет.

Здесь, конечно, огромную роль играла вражда католицизма и православия. И скажем, православной церкви и католицизма. Тем не менее, за последние десятилетия это чувствовалось довольно мало. Естественно, Россия сделала много зла Польше. Только Россия ^{себе Россиией} этого не чувствует, она всё сваливает на кого-то вину. Тем не менее, Россия причинила много зла Польше. Но ~~тем не менее~~, если поляки поимут, что русские тоже страдальцы. Они это часто понимают лучше и не только Михник, но и многие другие. Михник – большой любитель России. Но например, Менделевич. Там нет вражды к России и к русской культуре нет вражды.

– А страха нет?

В. Козовой: Страх, несомненно, есть и конечно, поляков должен радовать нынешний распад России, который начался в 1917 году. Он не начался, а просто не завершился, этот распад. Просто большевики заморозили эту ситуацию распада террором на семьдесят с лишним лет. Но воевали-то две стороны в гражданскую войну – белые и красные воевали в сущности за единую Россию и неделимую. Только для белых это был чистый лозунг, для большевиков это была Россия в составе единой советской республики. Но реально-то вышло: Единая и неделимая большевистская Россия^и. Но они только усугубили всё то, что было уже в 1917 году, и взрыв произошёл уже не в качестве взрыва, а в качестве какого-то зловонного распада.

Виноват? Никто не виноват. Просто России надо уйти от многовекового экстенсивного развития, это уже не будет та Россия, прежняя. Та Россия, тысячелетняя, наверное Россия, во всяком случае, Россия московская, – кончилась. Она была кончена – московская, а затем петербуржская, – она была кончена в 1917 году. И поэтому, если Россия действительно повернётся к большей

скромности, скажем так просто, ~~а~~ во всяком случае, повернётся к интенсивному развитию, она ничем не будет угрожать Польше. Если эти огромные размеры, исполинские размеры России, и сейчас ещё исполнинские, не помешают ей действительно стать ~~феде-~~
~~с какими-нибудь землями,~~ ративным государством, типа германских или соединённых штатов, то такая Россия не будет грозить Польше. ~~Потом~~ ~~в~~ в нынешнем мире такая угроза, я думаю, себя изживёт, но пока надо бы быть осторожными. Я понимаю, что у Польши может сохраняться страх перед огромной, непредсказуемой страной.

- Скажите, Вы сами когда-нибудь испытывали чувство вины или неловкости перед поляками? Комплекса вины не было?

Козовой: У меня был комплекс вины, который я хорошо помню, это были комплексы вины перед чехами в 1968 году. Мне было стыдно, ~~и~~ это для меня был безумный удар как и для многих. И я говорил: "Вот сейчас пошлю Подгорному свой паспорт, не хочу я быть гражданином этой треклятой страны, которая душит других, душит маленькую Чехословакию. ~~Раз~~ ещё позор такой ~~и~~ ввели войска и ~~одновременно~~ немецкие войска ~~были~~..."

- И польские.

Козовой: И польские ~~и~~ немецкие. ^{конечно,} ~~и~~ После всего ~~и~~ ¹⁹³⁸ ~~1939~~ года!.. И у меня было такое же отношение и к Польше, я сознавал изначально, что режим коммунистический в Польше держится на штыках. Всё-таки, большая разница между коммунистическими режимами, которые в этих странах. В Польше, во всяком случае или в Чехословакии более-менее не сразу, но в конце концов выявлялось, что режимы эти держатся на штыках и на штыках, конечно, российских. Хотя я, как и многие другие, всё-таки делал всегда различия, к сожалению, не совершил...

чия между Россией, Россией Духа какой-то и Советским Союзом. И тем более, делаю это различие теперь. Но я хочу, чтобы это различие сделали правящие круги ~~амы~~ ^{пока этого.} ~~и~~ не понимают. До них это не дошло окончательно. Но им придётся, придётся делать различия. Тем не менее, я живой человек и мне просто неприятно, когда Россию ~~наносят~~ концом сапога. И тычут ей в нос ~~и~~ виноват, в которых она не всегда и повинна, идеализируя страны Запада, которые я довольно хорошо знаю. Тут уже вопрос интересов ~~каждого~~ государства.. И что касается Польше, я понимаю, что для неё значит появление, например, Украины. А особенно Белоруссии. Страны чисто мифической. Что такое страна Белоруссия?..

-Белорусь.

Козовой: Белорусь! Совершенно непонятно. Украина—ещё ладно, хотя это тоже Украина, выросшая из советской Украины в её границах и так далее. Я сам писал об Украине. Я там писал, говорил в последние годы. В "Монд" у меня была огромная беседа. Когда нужно было переломить "горбоманию", они сделали со мной беседу ~~вторую~~ на всю страницу и полпервой, — Такого вообще не было ни с какими государственными деятелями. И там я говорил, в частности, об Украине. Затем писал в одном очень хорошем журнале, наверное, лучшем во Франции о том, что независимость Украины неизбежна, и в какой-то степени я этому процессу сочувствовал. И вообще я сочувствовал и сочувствую тому процессу, который приведёт не к распаду России,—а иначе это распад просто русской нации, потому что люди, голосовавшие на Украине за независимость этой страны, это были, в большинстве своём, не считая Западной Украины, либо просто русские по национальности, либо украинцы, которые чувствовали себя с русскими одним этносом. Тем не менее,

они голосовали за независимость, и это не случайно. Это не случайно, потому что мне кажется, что эпоха вот этой экстенсивно развивающейся и угрожающей всем вокруг России кончилась. Чем быстрее это будет осознано, тем лучше. А интенсивное развитие требует её федерализации. А эта федерализация приведёт к тем формам государственности и внутреннего социального, политического ^{иного} нового устройства, которые с моей точки зрения не будут угрожать, наконец-то окружающим народам. Но вместе с тем, русский народ, никуда не денешься — народ, имеющий всё-таки, вселенское призвание и поляки это могут понять, они тоже хотят иметь вселенское призвание.

— Они хотят или имеют?

Козовой: Мне кажется, они немножко не дотягивают до него, мне кажется.

— Как же мессианство?

Козовой: Мессианство польское, конечно, оно все ленское по размаху. Мессианство меня пугает всяческое. А вот дотягивает ли до этого культура польская, я не уверен. Не, по-моему, нет. Между тем, русская культура, которая и существовала-то, нужно сказать честно — та культура, которая действительно стала вселенской. Я имею в виду не прекрасные соборы русские, нет, и не Рублёва. Я имею в виду ту культуру, которая существовала всего сто лет. Сто с небольшим лет существовала и не более того. Хотя это в истории очень большой срок, может быть. Для культуры, достаточный. Так вот, эта культура, что там ни говори, она культура и даже не культура только, а то, что её как бы обрамляет, что её вставляет в исторические рамки, она ^{Никуда не} имеет вселенский характер. ^{деться.} И поэтому сейчас

я мало того, что сочувствовал балтийским народам, я там организовывал петицию огромную французских учёных, писателей,—такой не было. Вот когда были события в Литве, давили тянками, Нем не менее, я и тогда понимал и сейчас и ещё более понимал, что это будущие маленькие, провинциальные государства, особенно, Эстония, скажем, и Латвия, которая потеряет, отгораживаясь от России,—что совершенно понятно, я их понимаю,—но они потеряют выход к каким-то огромным горизонтам европейской культуры.

Странно говорить, когда видишь это русское нынешнее население, но тем не менее, это так. Тут очень с одной стороны выигрываешь, с другой стороны, теряешь, полякам, конечно, русские не нужны в качестве моста, они сами по себе существуют и ещё как! Культура у них очень рафинированная и изощрённая, замечательные поэты если. Тем не менее, им не хватает чего-то неопределимого, которое есть у русских или у немцев. Это не количество населения, это не огромная территория, это нечто, создающее немецкую философию или русский роман.

— Кто Вам близок, кого бы Вы выделили из писателей XIX века в Польше?

Козовой: Вы знаете, я не такой большой знаток польской культуры, тем более, что я сам, пиша, если можно так сказать, поэзию и прозу, и зная, что такое непереводимость, я просто польскую литературу знаю просто какими-то кусочками, Серогоса Ч отдельными, судить не могу. Я назову какие-то имена, но это ничего не добавит. Я не верю даже Мицкевичу, не верю ни в одну, ни в другую сторону, не читав его как следует по-польски. Поэтому мне трудно судить, наверное, я не могу точно оценить значение Корчаги. Не могу, не имею права. Тем не менее, какое-то общее отношение

к польской культуре, общая картина и общая характеристика, это изощрённость и рафинированность. Я понимаю, что это звучит пошло, и если бы я это где-то писал, я бы никогда в жизни этого не произнёс, я бы нашёл другие слова. Но этого мало. Вот, ^{так и бровочком.} носятся с Домбровичем. Ну, читал я ^{Рене Рурке?} Потом читал какие-то ~~вспоминания~~, дневник о поэзии. Мне это кажется невысокого полёта. Это Вам не Джойс. И это не Белый. Но опять же, повторяю, мы ^{неболено} находимся в рамках языковых. Мне судить трудно. Может быть, читая по-польски, я бы что-то понял. Я думаю, что интуиция у меня есть на этот счёт.

- Вы знаете Горбаневскую?

Козовой: Я ~~ее~~ давно ^{Катяшу, очень давно.} знаю. И правда, её почти не вижу, но иногда говорю с ней.

- А её полонофильство?

Козовой: А что? - Почему бы не быть полонофильстом? Я тоже к полякам отношусь неравнодушно, я не хочу, чтобы создалось впечатление, что я говорю со стороны совершенно. Нет, я к ним отношусь неравнодушно. ^{но и} Вам, во-первых, сказал, чем я им обязан. И обязан не случайно. Конечно, потому что так сложилась моя биография. Биография сложилась так же, как сложилась история. Недаром был 1956 год. Я недавно смотрел фильм о событиях в Польше, ^{Я забыл} за последние тридцать лет. Это очень хороший был документальный фильм на французском телевидении. Но это польский был фильм. Из нескольких серий.

Там разные были деятели 1956 года. Говорили. Потом 1960-х годов, семидесятых. Я их смотрел с огромным волнением ^{потому что это часть моей книги,} и эта часть жизни связана теснейшим образом с Польшей. Во всяком случае, я могу сказать, что все эти годы я внимательнейшим

чледил за тем, что происходило в Польше, и не просто следил – это касалось просто моего существования. И при всём том, что я знаю, какие поляки могут быть прохиндеи, коммерсанты и всё такое, но чувство достоинства, которое есть в Польше... Если русские немножко поучатся и приобретут его, тем лучше будет для них.

– Вы сказали два слова – можно как-то раскрыть? Мост в смысле геополитическом, я не знаю, опять же, культурном. Если шире, охватить более широкий временной пласт.

B. Козовой: Если говорить исторически, как это сложилось в последние тридцать-сорок лет, то можно сказать, я думаю, для какой-то части русской интеллигенции, или не знаю, была ли интеллигенция, но то, что французы называют *intellectuelle*. В самом широком смысле, к ним относится и Горбаневская в каком-то смысле, кто угодно, Польша, действительно послужила мостом каким-то в Европу, европейскую культуру ^{вместе с} культуру политическую. Начиная с культуры самой отвлечённой, культуры идей. Так получилось, что идеи философские, идеи театральные, кино – всё приходило, ^{наши} в основном из Европы через Польшу. То, что было запрещено или недопускалось просто-напросто из Европы, из мира мысли, мира искусства, мира политики XX века, к нам доходило с 1955–56 года через Польшу. Я думаю, что трудно найти кого-то, кто ~~б~~читывал всё это по-венгерски. Хотя это в Венгрии что-то печаталось, несомненно. А вот польский – всё-таки славянский язык. Более или менее усваиваемый. И поэтому я знаю, что это доходило ко мне в Москве, также это доходило до кого-то и в Литве. Я этих людей знаю. Это доходило через польские книги, через польские журналы, через польские газеты, через польское кино, через польский театр. И это не может быть забыто. Это

неминименно доходило на польском языке. Это доходило с польскими акцентами, с польскими нюансами. Очень многое из европейской культуры, которое вошло, казалось бы, ~~в~~ прочных ^и обход какой-то интеллигентской среды российской вошло через Польшу. Так сложилось. А сложилось-то это недаром. Сложилось, потому что поляки этого добились. Или в Польше даже при коммунистическом режиме, не откровенно сталинском, просто было немыслимо сохранять тот режим в области культуры, который царил в этой несчастной стране. Это что касается моста.

Что касается локомотива, то это относится к событиям не последних только сорока лет, а к событиям, как я уже говорил, многих десятилетий, столетий, ста пятидесяти лет. Поэтому что уже одни польские восстания не могли проходить бесследно для России, они становились всегда каким-то узлом, вокруг которого развивались политические идеи, даже у людей враждебных по отношению к польской независимости. Это было несомненно так. Это было в очень слабой степени в конце XIX века, когда Суворов там совершил подвиги, крушил Варшаву и войска грабили жителей. У меня есть ~~о~~ Суворов^{»,}, даже в одном из ранних стихотворений, в Польше, это у меня есть. С Чартарийским это было в начале XIX века, это было несомненно при Александре I, это конечно было при Александре II, при подавлении польского восстания, во время всех споров и позиций Герцена. Даже отношения Пушкина. При Пушкине, кстати говоря, я бы сказал два слова в защиту Пушкина, но не буду.

- Почему?

Козовой: Ну, конечно, его стихотворения, осуждённые Вяземским. ^{Многие} даже Вяземским. ^{Некоторые} его друзья не могли принять этой позиции. ^{Позиция} ~~Несколько~~ стихотворений с моей точки зрения замечатель-

ная поэтически. Тем не менее, что можно сказать в его защите? Пушкин или всё-таки ещё отчасти в другую эпоху, в ту эпоху, когда какие-то события двухсотлетней давности не были чём-то совершенно доисторическим. В этих событиях нельзя сказать, что Польша выглядела прекрасно по отношению к России. Поэтому, действительно, спор славян между собой тянулся из тех лет. Но конечно, он писал о стране задушенной, растерзанной тремя государствами, задушенной после подавленного восстания и особенного благородства в позиции Пушкина я не вижу и усмотреть его невозможно. Просто я говорю, что надо учсть, что это относилось к той эпохе и что действительно был спор славян между собой, было время такое. Нельзя сказать, что поляки, это вечные мунинники, а Россия – это вечная их мучительница. Это не совсем так. И поляки это знают, те, которые знают историю. Поляками и мерзости допущены, в частности, по отношению к евреям. Это я забыть тоже не могу. И погром в Кельце, после второй мировой войны, после газовых камер давить евреев! Это мерзость. И когда в 1968 году Мочар устроил с Гомулкой, у которого жена, как известно, была еврейка, устроил изгнание евреев из Польши, – кто это может забыть? Тогда я ещё говорил, как они могут изгонять евреев из Польши, когда там оставались уже считанные евреи, уже тогда – 30 тысяч, по-моему, когда в сущности многие евреи, я говорил, их предки, может быть, более древние, чем предки Гомулики. Евреи очень давно в Польше живут. Евреи сражались, участвовали в восстании в ХХ веке среди поляков. Об этом масса документов есть и романы есть. Кроме того, просто европейская культура окрасила как-то и польское государство и польскую культуру, и польскую историю, не говоря

уже о том, что идея этнически чистого государства для меня
смерзительна. Чем государство этнически чище, тем оно беднее.
Ну, может быть, немцы очень богатые, даже будучи этнически
чистыми. Но культура не так делается. А тем более, польская
культура. Тем более, польская, русская и многие другие. Я не
могу сказать, что я идеализирую поляков.

- Вообще их принято идеализировать.

Ю. Козовой: Нет, я их идеализировать не буду. Я не буду идеали-
зировать даже национальный характер польский. Вот я говорил
о кое-каких деталях, но можно говорить и о другом. Также я
могу говорить и о русских и буду, может быть, немного прист-
растен. Могу говорить. Наговорено уже, слава богу. Русским
никто не прощает. Об этом говорить можно. Но с другой стороны
есть какая-то грань, которую не надо народу переступать. Что-
бы ни стало. Естественно, нет святых народов и я не подпишусь
под строчками Тютчева о России, конечно. Ни в ту сторону, ни
в другую сторону. Нет святых. Племя не может быть святым. Да
это и не относится к этой области святости. А вот есть какая-
то черта, которую эти несвятые не должны переступать. К со-
жалению, есть народы, которые её переступали очень много. Это
и русские, и немцы, ну и поляки. Можно вспомнить ещё кое-ка-
кие вещи по отношению к евреям и в прежние времена. С другой
стороны, конечно, в плане иррациональном я Вас отлично пони-
маю, у меня тоже есть чувство родства иногда. Я дружу, у ме-
ня и во Франции есть поляки, с которых я в добрых отношениях.

Интервью взяла Татьяна Косинова (Кс.)
22.09.1992, г.Москва